

ХУДОЖНИК НЕИЗВЕСТЕН

К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В скромной книжке покойного омского краеведа Андрея Федоровича Палащенко «По местам Ф. М. Достоевского в Омске» помещена иллюстрация, под которой значится: «План Омского каторжного острога. Фоторепродукция с рисунка М. Знаменского, хранящегося в музее Ф. М. Достоевского в Москве».

Этот же несколько странный рисунок воспроизведен в роскошном издании «Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах», вышедшем десять лет назад — к 150-летию со дня рождения писателя. Только подпись под рисунком иная: «Каторжные казармы и двор Омской крепости (план). Рис. неизвестного художника».

Почему же из подписи исчезла фамилия Знаменского и рисунок стал анонимным?

В одном из номеров «Огонька» за 1946 год — год, когда отмечалось 125-летие со дня рождения великого писателя, — появилась небольшая публикация: «Достоевский в Сибири (новые материалы)». Ее автор В. Любимова - Дороватовская пишет, что в те годы, когда писатель томился на каторге, в Омске жила сестра тобольского художника М. С. Знаменского. Зная об омском узнике, брат попросил сестру заказать кому-либо из местных художников рисунок острога. Сам он, видимо, приехать в то время в Омск не мог, т. к. учился в Петербурге.

В. Любимова - Дороватовская приводит надпись, сделанную на обороте рисунка при отправлении его из Омска:

«Добрый брат Миша! Посылаю тебе вид с острога. Извини, какой есть, ного только не просила нарисовать, все откладывали, но, наконец, нашелся какой-то, и сама не знаю кто, да и снято-то плохо, ну да ты переделаешь по-своему...».

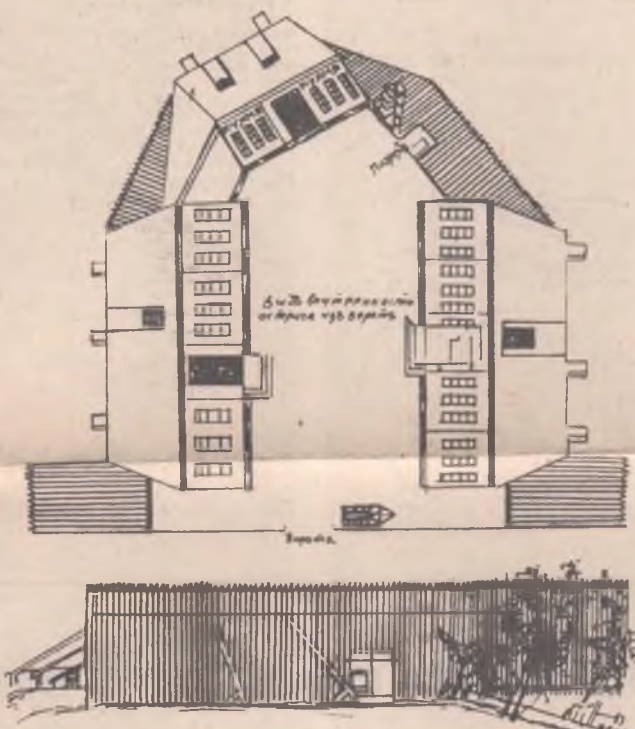
Вот, оказывается, в чем дело. Михаил Знаменский был не автором, а заказчиком. И тот факт, что он явился организатором этого, не такого уж невинного и безопасного по тем временам, предпринятия, весьма характерен для его облика.

Михаил Степанович Знаменский родился в 1833 году, а Ф. М. Достоевский находился в омской каторге, как известно, с 1850 по 1854 год. Следовательно, тобольский художник был еще в то время совсем молодым человеком. Но ведь не случайно книга о нем, выпущенная уже в советское время, названа «Воспитанник декабристов художник М. С. Знаменский».

На протяжении всей жизни (умер он в 1892 году) Михаил Степанович оставался человеком твердых демократических убеждений. Он сотрудничал в лучших сатирических изданиях (в том числе в знаменитом журнале «Искра»), высмеивал в своих карикатурах порядки и нравы глухих провинциальных углов царской России.

Знаменский понимал, что в Омском остроге заточен талантливый писатель. Он предчувствовал, что пройдет время и любой штрих, любое свидетельство, рассказывающее о

первых, его вызывающей уважение смелостью. А во-вторых, детски-наивную манеру неизвестного омского рисовальщика можно простить за ту тщательность и скрупулезность, с которой работа выполнена, — видно буквально каждое бревно пали, частые переплеты казарменных окон-решеток, можно рассмотреть устройство запора на воротах, вход в погреб, даже листья на деревьях, расту-

Вид острога с наружной стены с ворот около консьержки

мрачному периоде жизни автора «Бедных людей», будет интересным.

А теперь вернемся к письму сестры Знаменского. Скорее всего, сестра художника не назвала в письме имени автора рисунка из опасения подвести этого человека. Ведь не случайно же так долго не находилось желающих выполнить эту необычную просьбу. Представьте себе человека, расхаживающего по территории военной крепости вокруг каторжного острога и делающего какие-то зарисовки!

Давайте рассмотрим повнимательнее сам рисунок. Он и в самом деле выполнен несколько странно — особенно верхняя часть, изображающая территорию острога. Изображена она как бы сверху, причем так, как это обычно делают дети, желая нарисовать «все сразу». Здания казарм и служб, пали, ограждающие острог, сторожевая будка у ворот словно бы положены на землю, вывернуты. Получилось нечто среднее между натурной зарисовкой и планом. Чувствуется, что автор был человеком в таких делах малоопытным. Но эта малоопытность с лихвой искупается, во-

щих перед входом в острог, даже поломанное ограждение вокруг этих деревьев!

Не случайно В. Любимова-Дороватовская, говоря об этом рисунке как о ценнейшей документальной иллюстрации к «Запискам из Мертвого дома», подчеркнула, что он — единственное документальное изображение Омского острога. Для того, чтобы убедиться в исключительной точности рисунка, достаточно сравнить его с самим текстом «Записок...» — с началом 1-й главы:

«Представьте себе большой двор, шагов в двести длины и шагов в полторасти ширины, весь обнесенный кругом, в виде неправильного шестиугольника, высоким тыном, то есть забором из высоких столбов (пали), врытых стойком глубоко в землю, крепко прислоненных друг к другу ребрами, скрепленных поперечными и планками и сверху заостренных: вот наружная ограда острога. В одной из сторон ограды вделаны крепкие ворота, всегда запертые, всегда день и ночь охраняемые часовыми (...)

Как входите в ограду — видите внутри ее несколько зданий. По обеим сторонам широкого внутреннего двора тянутся

два длинных одноэтажных сруба. Это казармы. Здесь живут арестанты, размещенные по разрядам. Потом, в глубине ограды, еще такой же сруб: это кухня, разделенная на две артели; далее еще строение, где под одной крышей помещаются погреб, амбары, сарай. Средине двора пустая и составляет ровную, довольно большую площадку. Здесь строятся арестанты, происходит дрова и перекладка утром, в полдень и вечером, иногда же и еще по несколько раз в день — судя по мнительности караульных и их умению скоро считать».

Есть на рисунке и неправильный шестиугольник, и казармы, и кухня, и даже поперечные планки пали. С одной стороны, это свидетельствует о точности изображения, а с другой — и это главное — еще раз демонстрирует, с какой документальностью, с какой жизненной правдой написано бессмертное произведение Ф. М. Достоевского.

С годами интерес М. С. Знаменского к личности и творчеству бывшего омского узника не иссяк. Позже, в конце 60-х годов, он нарисовал иллюстрации к «Запискам из Мертвого дома». Но увы — судьба их плачевна. Иллюстрации были потеряны (возможно, при пересылке), и где они теперь — неизвестно.

Недавно выяснилась еще одна интересная подробность. Работая в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва), автор этого очерка решил просмотреть «Каталог картин художника М. С. Знаменского (оставшихся после его смерти)». И в этом каталоге есть такая строка: «Достоевский в 1849 г. был сослан в Омск. См. «Записки из Мертвого дома» (ЦГАЛИ, т. 76, 1, ед. хр. 1, л. 8)». Что это была за картина — сказать сейчас невозможно. Обширное наследие талантливого тобольского художника рассеяно по многим музеям, библиотекам и архивохранилищам страны и еще ждет своего исследователя.

Нам же остается сделать еще одно небольшое уточнение. В московском музее Ф. М. Достоевского имеется не оригинал рисунка неизвестного художника (он — в ЦГАЛИ), а его копия. Копия абсолютно идентична оригиналу, выполнена, как говорят специалисты, «один к одному». Известный мастер-копиист, выполнивший когда-то эту работу, московский художник Борис Иванович Клабуновский, согласился сделать ее еще раз — специально для Омского литературного музея им. Ф. М. Достоевского.

А. ЛЕЙФЕР, зав. литературным отделом Омского ГОИЛ музея.

НА СНИМКЕ: копия Б. И. Клабуновского с рисунка неизвестного художника.

Репродукция К. САВИНОЙ.